

АМПИР В АРХИТЕКТУРЕ БЕЛАРУСИ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ

В исследовании архитектурного наследия Беларуси, начиная с 1970-х годов, наступил новый этап – изучение архитектурной стилистики. В этой связи значительный интерес представляет рассмотрение стиля ампира, который издавна относится к наивысшим проявлениям архитектуры классицизма. Кроме того, именно в период развития ампира, на рубеже XVIII и XIX веков, как считал известный австрийский исследователь Э. Кауфман, зародилось новое направление в архитектуре, которое позднее получило название – модернизм [1, с. 153]. Все это заставляет нас более пристально обратиться к изучению архитектуры ампира.

Как известно, стиль ампира возник во Франции около 1800 года и развивался до 1820-х годов как официальный стиль эпохи Наполеона Бонапарта [2, с. 403 – 414]. Для него характерна любовь к монументальности, торжественности, крупным членениям в виде простых геометрических форм. В решении фасадов использованы эстетические качества больших гладких поверхностей с резко очерченными гранями, на которые накладываются тонкие и изящные барельефные композиции на тему воинской атрибутики. Предпочтение отдавалось простейшим архитектурным ордерам – дорическому и, особенно, тосканскому, в трактовке которых использовались заостренность пропорциональных отношений, театральность и экспрессивность. Наиболее распространенными архитектурными жанрами являлись триумфальные арки, обелиски и «дорические» храмы. В архитектуре ампира можно выделить два направления – романофильское и грекофильское. Широко использовались также мотивы египетской архитектуры.

В интерьерах зданий, удивляющих пышностью и богатством отделки, отразилась любовь Наполеона к роскоши. Интенсивные цвета декорировки стен, обилие бронзы создавало впечатление холодной торжественности благодаря упорядоченности, строгой симметрии и точному расчету всех элементов и деталей. Большую роль в устройстве интерьеров имела больших размеров мебель, в рисунке которой преобладали архитектурные формы. Представителями ампира во Франции были архитекторы Б. Виньон, Ж. Шальгрэн, Д. Легран, Ш. Персье, П. Фонтен.

Второй страной, где ампира получил наибольшее развитие, была Российская империя. Здесь расцвет ампира наблюдается после победы в Отечественной войне 1812 года. В стилистике ампира создаются центральные ансамбли Петербурга благодаря творчеству выдающегося архитектора К.И. Росси. Наивысшее развитие эта стилистика получила в творчестве Тома де Томона, В.П. Стасова, Д. Жилярди, О. Бове и распространилась по всей Российской империи вплоть до середины XIX века.

Широкое распространение стилистики ампира мы вроде бы должны ожидать в строительстве общественных зданий Беларуси, так как оно в александровскую эпоху направлялось из Петербурга и должно было отражать пафос торжества Российской империи в войне 1812 года. Однако это было не совсем так. Во-первых, в александровскую эпоху это строительство было ограничено в связи с военными действиями и с тем, что административные здания были уже в основном построены в екатерининское время. Кроме того, здесь сказывалась и инертность в использовании стилистики работавшими здесь местными архитекторами. Так, в здании ратуши в Минске, возведенной Ф. Крамером, характерные для ампира отдельные элементы и детали смешивались с присущей александровской эпохе стилистикой строгого классицизма [3, с. 96].

Черты унификации проникают в строительство административных зданий, привнося с собой ампирные тенденции. Если в проекте уездных присутственных мест для Витебска, Дисны и Бобруйска 1806 года, идентичном составленному для Киевской губернии, это ощущалось лишь во внешнем предельно схематичном облике здания, объем которого расчленен рустовкой, то в образцовом проекте 1822 года черты ампира проявились и в трактовке отдельных деталей – аттиков, сандриков. Уездные присутственные места были построены по этому проекту в Сенно, Могилеве, Бабиновичах и Бобруйске [3, с. 111].

В архитектуре учебных зданий, в творчестве профессора Виленского университета К. Подчашинского, черты ампира не проявились, так как там было использовано рациональное направление. В не-

которой степени ампирные тенденции были отмечены в строительстве лечебных зданий, где поиск новых, характерных для этого типа объемных построений с включением ампирной стилистики, осуществлялся под влиянием петербургской архитектуры. В деревянной больнице в Могилеве, созданной В.П. Стасовым и могилевским губернским архитектором Раевским в 1818 году, намечается поиск новой компоновки здания, и робко проявляются черты ампира. Оригинальнейшей постройкой явилась каменная больница в Витебске, возведенная в 1820-е годы по проекту В. П. Стасова [3, с. 129, 130] (рис. 1). Здесь наряду с типично стасовским использованием крупных форм в организации фасада проявилось характерное для новой архитектуры несоответствие симметрии построения фасада и асимметричного планировочного решения.

Торговые постройки, здания гостиных дворов в белорусских городах возводились в основном в традициях народного зодчества. Исключение представлял проект гостиного двора в Минске, выполненный Ф. Крамером с привлечением черт ампира.

Наибольшее развитие черты ампира получили в военном строительстве, которое представляло собой особую область. Его характер отражал особенности александровского времени с его достаточно развитой централизацией в управлении, регулярством и рациональностью. Военные объекты включали в себя разнообразные типы зданий: казармы, госпитали, жилые дома, фортификационные сооружения. Все они, как правило, возводились вблизи друг друга, в родственной архитектурной стилистике и составляли значительные комплексы и ансамбли. Их достаточно обширное строительство на белорусской земле было в значительной степени обусловлено военными действиями 1812 года.

Проектирование и строительство военных построек было централизовано. Возведением военных объектов в крепостях ведал Инженерный департамент Министерства внутренних дел, а строительством в городах – Департамент военных поселений. Эти организации имели свой штат специалистов. Так, в Инженерном департаменте архитектурную направленность определял А.Е. Штауберт. Он работал с К.И. Росси и, безусловно, был знаком с достижениями европейской архитектуры, в частности, - первенствующих в этой области французов.

В наибольшей степени черты ампира проявились в военном строительстве при создании ансамблей площадей. К ним следует отнести проект площади перед комплексом казарм в Минске, созданный в 1797 году Ф. Крамером и реализованный с изменениями в первом десятилетии XIX века, а также ансамбль Соборной площади Бобруйской крепости, осуществленный А.Е. Штаубертом в 1819 году. Оба ансамбля отличает полная симметрия, схематизм и рационализм их построения. Здания выполнены в стиле ампир (особенно это касается Бобруйской крепости) с плоскими, ритмически расчлененными фасадами, выделением глади стены, с аттиками, декорированными барельефными композициями. Построение ансамблей чуждо мистике и контрастности в решении пространств. Черты романтизма проявились здесь в своеобразной мегаломании архитектурных решений, стремлении к созданию громадных сооружений. Этим они предвосхищали особенности зодчества последующей николаевской эпохи.

Наибольшее количество воинских построек с использованием черт ампира было возведено в Бобруйской крепости, ставшей наиболее значительным архитектурным комплексом в Беларуси александровской эпохи. Постройки Бобруйской крепости включены в ее регулярную планировку и расположены по красным линиям улиц. Их стилистика, в основном, имеет черты ампира и характеризуется использованием чистой глади стены, ритмическим расчленением плоскости фасадов оконными проемами, выделением центра и флангов плоскими ризалитами, увенчанными аттиками с лепными украшениями (рис. 2). Фасады имеют большую протяженность и в их облике можно обнаружить новые тенденции. Так в рисунке фасадов Слуцких ворот включены элементы неоготической архитектуры – стрельчатой формы проемы. Декор фасада жилого дома с лавками (1818) с использованием арочных завершений окон и дверей свидетельствует о влиянии рациональных тенденций [4, с. 88].

Построенный за пределами городских укреплений комплекс госпиталей в Могилеве, в общем-то, повторял последовательность изменений стилистики в александровское время. Так, Старый госпиталь в Печерске, возведенный смоленским губернским архитектором Фриксеном в 1817 – 1820 годах, выполнен по традиционной усадебной схеме в стилистике академического классицизма. Новый же госпиталь в Могилеве (1825) имел чисто функциональное построение плана и ампирную декорацию фасада. Этими же чертами отличалось здание манежа в Могилеве, построенное по проекту В.П. Стасова в 1815 – 1831 годах. Оно по характеру архитектуры напоминало провиантские склады в Москве.

Ампирные черты особо проявились в создании острогов в Витебске и Могилеве (рис. 3). Проект острога в Могилеве являлся копией образцового проекта 1806 года А. Захарова и представлял собой романтическое с башенками сооружение на манер средневекового замка.

В архитектуре усадеб александровской эпохи ампирные элементы встречаются крайне редко, учитывая их достаточно скромную художественную программу и отсутствие, в основном, связей с петербургской архитектурой. Лишь в Зельванах мы видим вместо фронтона аттик, да домик для летнего проживания графа Н. П. Румянцева в Гомеле имеет аттик, ампирную рустовку, греко-дорический ордер колонн, поддерживающих балкон, ниши со скульптурными рельефами [5, с. 215 – 218].

Появление черт ампира в культовом зодчестве александровской эпохи было связано с поисками наиболее талантливых зодчих новой архитектурной стилистики, которые были начаты в конце XVIII века и одухотворены творческими достижениями французских зодчих. Первым таким примером был проект церкви в Мстиславле, исполненный В.П. Стасовым в 1811 году (рис. 4). Необходимость в строительстве православного храма в этом древнем городе, где существовали каменные громады костелов, стала очевидной после разделов Речи Посполитой, когда Мстиславль оказался в глубине территории Российской империи, и здесь следовало укрепить позиции православной церкви. Проект храма был выполнен могилевским губернским архитектором Зражевским. Однако его несколько архаичная архитектура и не весьма профессионально скомпонованное объемное решение не были согласованы в Петербурге. Проект был отдан для переделки В. П. Стасову. Сравнительно недавно вернувшийся из заграничной стажировки молодой зодчий еще не забыл уроки своих французских учителей. И находясь под впечатлением недавно разработанной им темы – проекта храма-памятника на поле Полтавской битвы, создал оригинальный проект круглого храма, во многом напоминающего Пантеон в Риме. Романтические черты этого античного памятника были усилены зодчим во мстиславльском проекте – массив глухих стен барабана был лишь немного оживлен узкими окнами и скульптурным фризом. Шестиколонный портик с пологим фронтоном и ступенчатое завершение объема с пологим куполом оттеняли мемориальный романтический характер этой постройки, общая композиция которой была позаимствована у памятника для Полтавы. Конечно, такая необычная для православного храма композиция была негативно воспринята православным духовенством. Со стороны Зражевского посыпались обвинения в адрес Стасова о невозможности конструктивного осуществления проекта и недостаточной освещенности внутреннего пространства храма. Переписка по этому поводу затянулась, а Отечественная война 1812 года и вовсе отодвинула осуществление этого замысла. К строительству храма вернулись в 1825 году, когда губернским архитектором Раевским был выполнен новый проект с традиционной компоновкой объемов и в более реалистичной стилистике [3, с. 166].

Черты ампира, проявившегося уже в русле широкого течения этой новой архитектуры, развивавшегося после Отечественной войны 1812 года и вдохновленного победами русского оружия, ощутимы в церкви Бобруйской крепости. Эта крепость была крупнейшим архитектурным ансамблем александровского времени на территории Беларуси. После войны встала насущная необходимость его завершения – создания главного архитектурного акцента на площади. Проект церкви был выполнен А.Е. Штаубертом. Просматривая созданные им варианты проекта, мы видим, как изменялась стилистика постройки от достаточно строгого основного объема с крупными пластичными формами и гармонично построенными классицистическими деталями к более помпезному и торжественному решению церкви с колоннадой на месте трапезной и представительными шестиколонными портиками по сторонам здания, и, наконец, - к осуществленному достаточно ординарному варианту проекта с сухими членениями плоскости стен проемами, с невыразительным фронтоном и невысокой колокольной, созданной с учетом требований обороны крепости [6, с. 117]. Здесь отразились вкусы времени заката александровской эпохи с появившимися чертами казенщины и схематизма.

Конец александровской эпохи отмечен еще одной культовой постройкой с элементами ампира – Троицкой церковью в Гомеле, созданной на средства графа Н.П. Румянцева. Проект относится к 1824 году и, как видно из письма архитектора И. Дьячкова, составившего к нему смету и руководившего возведением здания, был «не в Гомеле делан» [4, с. 228, 229]. Проект церкви был, безусловно, привезен Дьячковым из Москвы, где он родился, обучался архитектуре и неоднократно бывал по заданию Румянцева для «снятия планов церквей и их декоративного украшения», и относился к московской школе позднего классицизма. Выполнен он был, вероятно, Д. Жилярди или О. Бове по заказу графа и в

его архитектурном построении использован характерный для творчества этих зодчих мотив лоджии с дорической колоннадой, завершенной термальным окном с лепным фризом.

Работы петербургских и московских зодчих, выполненные в русле новой интерпретации классических форм и включавшие, хотя очень опосредованно, последние достижения европейского (в основном французского) зодчества, повлияли на работы местных зодчих, в творчестве которых постепенно произошел отход от палладианства и академизма в сторону эстетического использования в композиции построек крупных архитектурных форм и эстетики стены, лишенной декора. Подобные явления возникали в восточных регионах Беларуси – в проекте церкви для Городка, выполненном Ф. Санковским в 1808 году, церкви в Струни под Полоцком, возведенной униатским митрополитом Г. Лисовским в 1800-х годах [7, с. 203]. Кстати, эта униатская церковь, по своему облику отвечающая православным традициям, стала первым на территории Беларуси примером классицистической интерпретации традиционной схемы православного храма с расположенными на одной оси кубообразным объемом церкви, трапезной и колокольной, и очень близка постройкам Ф. Санковского. Подобная интерпретация форм церковной постройки становится традиционной для зодчества 1820-х годов.

Ампирные тенденции в строительстве костелов в александровскую эпоху в Беларуси проявились очень незначительно. Ибо в архитектуре Вильно, откуда в основном исходили творческие импульсы, ампира особенно не распространился, а ориентированные на Варшаву заказчики в это время почти не строили. И вполне естественно, что возникновение черт ампира в костельном строительстве связано с влиянием Петербурга.

В Гомеле, где графом Н. П. Румянцевым была реализована программа создания «идеального» города и были представлены здания различных религиозных конфессий, при строительстве костела был использован проект Л. Руски [5, с. 196 – 203] (рис. 5). В трактовке образа постройки ощутима прямая отсылка к облику древнейшего языческого храма – Римского Пантеона, ставшего одним из прообразов христианского центрального храма. Это проявилось в стремлении максимально точно повторить облик его фасадов, где изображены две башни, существовавшие в конце XVIII века и, главное, во включении в состав чертежей костела разреза, где показано обширное внутреннее пространство – то, чем славен Пантеон. Кроме того, в прорисовке архитектурного сюжета отмечаются черты романтизма, что выразилось в столкновении двух основных тем в объемном решении памятника – цилиндрического объема ротонды и прямоугольных в плане пристроек, в заостренной трактовке архитектурного ордера. Этот проект Руски, достаточно сложный для строительства в провинциальном Гомеле, тем не менее, повлиял на осуществление здания Дж. Кларком в 1822 году.

Второй постройкой, где ощутимы черты ампира, был костел в Бобруйской крепости, перестроенный в 1825 году по проекту А.Е. Штауберта [6, с. 188]. В этом здании романтические черты во многом проявились благодаря введению неоготических элементов, обусловленных его прежним средневековым обликом.

В заключение следует отметить, что стилистика архитектуры Беларуси александровской эпохи в общих чертах повторяла развитие архитектурной стилистики Российской империи от академизма к ампиру. В Беларуси в александровскую эпоху развился стиль официальной монументальной архитектуры, являющийся воплощением идей гегемонии абсолютизма. На европейском фоне он представлял собой устаревшую академическую традицию, был лишен элементов прогресса, так как отвечал давно отжившим в Европе идеям абсолютизма. По сравнению с екатерининской эпохой он отличался большими элементами демократизма, ибо распространился в постройках не только императорского двора и дворянства, но и во многих зданиях общественного назначения вплоть до домов мещанства. Черты прогресса еще робко пробивались в нем через панцирь официальности, застылости и академизма. В большей степени они связаны с работами крупных петербургских архитекторов В.П. Стасова, А.Е. Штауберта и особенно с деятельностью выдающегося местного зодчего К. Подчашинского. Общественные и воинские здания способствовали созданию военно-административного стереотипа города, который из России, из Петербурга был перенесен на белорусские земли.

Если же попытаться определить – в каких же постройках наблюдался переход от традиционного, идущего от Витрувия способа проектирования, к сугубо композиционному подходу при создании архитектурной композиции здания, то следует отметить, что начало этому процессу в архитектуре Беларуси было положено в 1780-е годы в Чечерске при строительстве графом З.Г. Чернышевым четырех круг-

лых церквей с использованием проекта Дж. Кваренги и связано с влиянием идеологии масонства [8, с. 145 – 147]. В дальнейшем, в 1800-е годы, это проявилось в творчестве В.П. Стасова при проектировании церкви в Мстиславле и острога в Витебске и обусловлено влиянием романтизма. В 1820-х годах эта тенденция в наибольшей степени развивалась в строительстве К. Подчашинским учебных зданий, где было очевидным воздействие идей рационального классицизма французского архитектора и теоретика Ж. Дюрана [9].

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской программы сотрудничества архитектурных факультетов Белорусского национального технического университета и Белостокского технического университета по теме: «Преобразование и реконструкция традиционной архитектуры пограничья культур Беларуси и Польши».

Список цитированных источников

1. Базен, Ж. История истории искусства: От Вазари до наших дней / Ж. Базен. – М.: Прогресс – Культура, 1994. – 528 с.
2. Буржуа, Э.К характеристике стиля ампир / Э. Буржуа // История архитектуры в избранных отрывках / Сост. М. Алпатов, Д. Аркин, Н. Брунов. – М.: Изд-во Всесоюз. Акад. арх., 1935. – С. 403 – 414.
3. Морозов, В.Ф. Архитектурные школы в монументальном зодчестве Беларуси конца XVIII – начала XIX в. / В.Ф. Морозов. – Минск: БНТУ, 2011. – 224 с.
4. Морозов, В.Ф. История архитектуры Беларуси. Эпоха классицизма / В.Ф. Морозов. – Минск: БНТУ, 2006. – 152 с.
5. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В.Ф. Морозов. – Минск: Четыре четверти, 1997. – 336 с.
6. Морозов, В.Ф. Развитие архитектурных школ в монументальном зодчестве Белоруссии 1770 – 1830-х годов: дис. ... канд. арх.: 18.00.01 / В.Ф. Морозов. – Минск, 1987. – 239 с.
7. Морозов, В.Ф. Классицизм в архитектуре Беларуси: дис. ... д-ра арх.: 18.00.01 / В.Ф. Морозов. – Минск, 2001. – 348 с.
8. Морозов, В.Ф. Регулярная перепланировка белорусских городов эпохи классицизма – основа их устойчивого развития в XVIII – XXI вв. / В.Ф. Морозов // Архитектура: сб. научных трудов. Вып. 8. Минск, 2015. – С. 142 – 154.
9. Морозов, В.Ф. Рациональный классицизм в творчестве архитектора К. Подчашинского в Беларуси. Архитектура учебных зданий / В.Ф. Морозов // Архитектурное наследие Прибужского региона. Проблемы исследования. Тенденции развития: сб. научн. трудов / Брестский гос. технич. ун-т, под ред. В.Ф. Морозова. – Брест, 2015. – С. 92 – 98.

УДК 726.71 (476) (091)

Ожешковская И.Н., старший преподаватель кафедры «Теория и история архитектуры», архитектурного факультета, БНТУ, г. Минск, Республика Беларусь

АРХИТЕКТУРА БОРИСОГЛЕБСКОЙ (КОЛОЖСКОЙ) ЦЕРКВИ В ГРОДНО КАК МОНАСТЫРСКОГО ХРАМА БАЗИЛИАНСКОГО ОРДЕНА

Памятник архитектуры XII в. Борисоглебская (Коложская) церковь в Гродно является великим наследием белорусского зодчества и объектом пристального внимания исследователей. Интерес к судьбе храма усиливается в связи с решением включить его в список историко-культурного наследия ЮНЕСКО и с проектом реконструкции, который находится в стадии реализации. Кроме этого все еще продолжающаяся существовать угроза обрушения берега Немана принуждает проводить постоянные мероприятия по ее предупреждению. Еще в начале XX в. Коложская церковь ценилась как древнейший памятник не только Гродненской губернии, но и всего Северо-Западного края [1, л. 96].

Борисоглебская церковь была возведена из тонкой плинфы с вмурованными в кладку природными камнями и геометрическими композициями из цветной плитки. Своеобразие техники кладки с включением голосников во внутренние части стен относят храм к сложившейся во второй половине XII в. гродненской архитектурной школе [2, с. 58]. Крестово-купольная планировочная схема храма принадлежала